

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

В. К. ГАРДАНОВ

О РАССЕЛЕНИИ И ЧИСЛЕННОСТИ АДЫГСКИХ НАРОДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Для исследователя, изучающего историческое прошлое народов Северного Кавказа, обычно одним из наиболее неясных и трудно разрешимых вопросов является определение территориальных границ и численности отдельных этнических групп в различные исторические периоды. Между тем выяснение этого вопроса представляет большую важность, служа как бы необходимой предпосылкой для всякого историко-этнографического исследования.

В предлагаемой статье мы подвергаем рассмотрению данные различных источников о территории и численности одной из наиболее значительных в первой половине XIX в. этнических групп кавказских горцев — адыгских народов, включавших в себя непосредственных предков нынешних адыгейцев, кабардинцев и черкесов.

Об адыгах, которые были известны в русских и иностранных источниках первой половины XIX в. под именем черкесов, существует огромная литература, что, однако, не столько облегчает, сколько осложняет выяснение интересующего нас вопроса. Причиной такого положения является прежде всего крайне неточное употребление термина «черкес», которым тогда часто обозначались не только собственно адыги, а вообще все горцы Северного Кавказа. «Не знаю почему, но мы привыкли все племена, населяющие северную покатость Кавказских гор, называть черкесами, между тем как они называют себя Адиге», — писал Л. Я. Люлье, являвшийся в первой половине XIX в. одним из лучших знатоков адыгов, среди которых он прожил много лет¹.

Преобразование этнического термина «черкес», по существу, в собирательный, как это когда-то имело место с терминами «скиф», «сармат», «алан», приводило к тому, что за ним скрывались самые различные народы Кавказа. В первой половине XIX в. стало обычным называть «черкесами» не только абазингов или убыхов², этнически близких ады-

¹ Л. Я. Люлье, Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: черкесами (адиге), абхазцами (азега) и другими, смежными с ними. «Записки Кавказского отдела Русского географического общества» (далее ЗКОРО), кн. IV, Тифлис, 1857, стр. 173.

² Населяя по побережью Черного моря территорию между абхазами и адыгами, убыхи и в языковом отношении занимали как бы промежуточное положение между абхазами и адыгами, языки которых входят, по современной лингвистической классификации, вместе с абазинским в западнокавказскую (абхазо-адыгскую) группу. В пер-

гам, но и совершенно отличных от них по языку жителей Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, Балкарии, Карачая. На проистекавшую из этого обстоятельства путаницу обратили внимание уже наиболее вдумчивые современники. Так, Л. Н. Толстой, работая в 1852 г. над одним из первых своих очерков о кавказской жизни, считал необходимым начать его с разъяснения того, что тех «черкесов», о которых тогда так много писалось и говорилось, в действительности не существует. «Чтобы поставить воображение читателя на ту точку, с которой мы можем понимать друг друга, начну с того, что черкесов нет, есть чеченцы, кумыки, абазехи и т. д...», — записал Л. Н. Толстой в черновом наброске своих «Записок о Кавказе»³.

Двадцать лет спустя Н. Ф. Дубровин в предисловии к своей известной работе «История войны и владычества русских на Кавказе» тоже принужден был отметить наличие этого заблуждения в русской литературе первой половины XIX в. «Из многих статей и книг того времени можно вывести заключение, что было только два народа, с которыми мы дрались, например, на Кавказской линии: это — *горцы* и *черкесы*. На правом фланге⁴ мы вели войну с черкесами и горцами, а на левом фланге, или в Дагестане, с горцами и черкесами, и лишь иногда, для разнообразия, какой-нибудь автор пустит новое название, например: черкесов назовет черкасами и только!»⁵.

Аналогичное положение наблюдалось в первой половине XIX в. и в западноевропейской прессе, на страницах которой о черкесах упоминалось почти так же часто, как и в русской. Карл Кох, автор одной из лучших книг о Кавказе, изданных в то время в Западной Европе, с некоторым удивлением констатировал путаницу, существовавшую вокруг имени черкесов в современной ему западноевропейской литературе. «Представление о черкесах до сих пор еще остается неопределенным, несмотря на новые описания путешествий Дюбуа де Монпере⁶, Белля⁷, Лонгворта⁸ и др.; иногда под этим названием подразумевают живущих по бе-

вой половине XIX в. убыхи весьма сблизились в культурно-бытовом и политическом отношении с причерноморскими адыгами, владея, как правило, наряду с родным и адыгским (черкесским) языком. Ф. Ф. Торнау по этому поводу замечает: «убыхи, с которыми я встречался, всегда говорили по-черкесски». (Ф. Ф. Торнау, Воспоминания кавказского офицера, «Русский вестник», т. 53, 1864, № 10, стр. 428). Абазины также к началу XIX в. находились под сильным политическим и культурным влиянием адыгов и в быту мало от них отличались (там же, стр. 425—426).

³ Л. Н. Толстой, Записки о Кавказе. Поездка в Мамакай-Юрт, Полное собр. соч. под общ. ред. В. Г. Черткова, М.—Л., 1932, т. 3, стр. 216. Л. Н. Толстой несколько раз подчеркивает, что «Кавказ был ему долгое время совсем неизвестен, или известен в том же превратном освещении, как и большинству читателей», и что задачей «Записок» является «верная передача действительности» (ср. там же, стр. 215—217).

⁴ Правым флангом называлась до 1856 г. северо-западная часть так называемой Кавказской линии. Большая часть горцев, обитавших вблизи этой части Кавказской линии, была адыгского происхождения.

⁵ Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, СПб., 1871, т. I, кн. I, стр. XIII.

⁶ Имеется в виду шеститомный труд: F. Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, изданный в Париже в 1839 г. в первом томе которого имеется обстоятельный историко-этнографический очерк о черкесах (переведен на нем. яз.). По отзыву акад. Броссе, эта работа в отношении Кавказа «не будет долгое время ни превзойдена, ни даже вряд ли что-либо сможет сравниться с ней» («Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie impériale de sciences de St. Pétersbourg», т. IV, №№ 4—5, St. Pet., 1847, стр. 50—51).

⁷ Имеется в виду сочинение: I. S. Bell, Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838, 1839, т.т. I—II. London, 1840 (издано также на французском и немецком языках).

⁸ Имеется в виду работа: J. A. Longworth, A year among the circassians, London, 1840.

регу Черного моря кавказцев, иногда же считают черкесами всех жителей северного склона Кавказа. Французские газеты прошлых лет, несмотря на то, что Дюбуа де Монпере, будучи сам французом, оставил довольно подробное описание Кавказа, указывают даже, что Кахетия (долина Алазани), восточная часть лежащей по ту сторону Кавказа области Грузии, населена черкесами...»⁹.

В распространении подобных неверных представлений о черкесах (адыгах) были повинны не только французские газеты, но в равной мере многие немецкие, английские, американские издания, сообщавшие те или иные сведения о Кавказе. Достаточно указать, что Шамиль очень часто фигурировал на страницах европейской и американской печати, как «вождь черкесов», в число которых таким образом включались и многочисленные племена Дагестана.

Вследствие такого совершенно неправильного употребления термина «черкесы» исследователю приходится с особой осторожностью относиться к источникам первой половины XIX в. В каждом отдельном случае, даже при использовании данных наиболее осведомленных в кавказской этнографии авторов того времени, необходимо предварительно разобраться, о каких «черкесах» идет речь, не подразумевает ли автор под черкесами, кроме адыгов, и другие соседние горские народности Кавказа. Удостовериться в этом особенно важно, когда сведения касаются территории и численности адыгов, ибо в таких случаях очень часто к «черкесам» причислялись неадыгские народы. Примером может служить «Этнографический очерк черкесского народа» К. Ф. Сталля, заслуженно занимающий в русском кавказоведении первой половины XIX в. видное место¹⁰. И вот даже такой хорошо знавший кавказскую действительность автор допускает серьезную ошибку, включая в число собственно черкесских (адыгских) народов все абазинские племена и убыхов¹¹.

Принятое в русской и иностранной литературе первой половины XIX в. расширенное толкование слова «черкес» имело под собой то реальное основание, что адыги действительно в то время были самой значительной этнической группой на Северном Кавказе, оказывавшей большое и всестороннее влияние на окружающие их народы. Иногда небольшие племена иного этнического корня были как бы вкраплены в адыгскую среду, что еще более способствовало перенесению на них термина «черкес». Однако при внимательном изучении источников и руководствуясь тем, что под черкесами следует подразумевать только адыгов, можно довольно точно установить общие границы занимаемых ими к началу XIX в. земель.

Начиная от северо-западной оконечности гор Большого Кавказа адыги заселяли обширную территорию по обе стороны Главного хребта примерно на 275 км (считая по водораздельному хребту с северо-запада на юго-восток), после чего их земли переходили уже исключительно на северные склоны Кавказского хребта в бассейн Кубани, а потом Терек, простираясь на юго-восток еще примерно на 350 км. «Черкесские земли....,— писал в 1836 г. Хан-Гирей,—простираются в длину слишком

⁹ Karl Koch, Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838, Stuttgart und Tübingen, 1842, стр. 263.

¹⁰ См. М. О. Косвен, Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, «Кавказский этнографический сборник», I, Труды ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXVI, М., 1955, стр. 358—359.

¹¹ К. Ф. Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», т. XXI, Тифлис, 1910, стр. 75—76, 79—81. Аналогичную ошибку допускает и Дюбуа де Монпере, причисляющий к черкесским народам абазинцев и абхазов (Указ. раб., т. I, стр. 102).

на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме¹², Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния Сунжи с Тереком. Ширина различна и заключается от вышеупомянутых рек на полдень (т. е. на юг — В. Г.) по долинам и по скатам гор в разных кривизнах, имеющих от 20 до 100 верст расстояния, составляя таким образом длинную узкую полосу, которая начиная от восточного угла, образуемого слиянием Сунжи с Тереком, то расширяется, то опять стесняется, следуя на запад вниз по Кубани до берегов Черного моря»¹³. К этому следует добавить, что по побережью Черного моря адыги занимали территорию протяженностью около 250 км, гранича на юге по реке Шахе с убыхами. В самом широком месте земли адыгов простирались от берегов Черного моря на восток до Лабы примерно на 150 км (считая по линии Туапсе — Лабинская), затем при переходе из бассейна Кубани в бассейн Терека адыгские земли сильно сужались, чтобы опять расшириться на территории Большой Кабарды до 100 с лишним км.

Определение общих границ территории, занятой в первой половине XIX в. адыгскими народами, представляет сравнительно менее трудную задачу, чем установление границ внутренних подразделений адыгов, которые обычно именуются в историко-этнографической литературе «племенами». Однако безоговорочное применение термина «племя» к обозначению всех этнических подразделений, существовавших у адыгов в рассматриваемый период, представляется нам в научном отношении несостоятельным, так как адыги к XIX в. давно уже вышли из недр родоплеменного строя и господствующими у них в это время были феодальные отношения. Достаточно указать хотя бы на кабардинцев, которые представляли с XV в. важнейшую отрасль адыгов, в свою очередь расколовшуюся в результате феодальных междоусобиц на две части (Большую и Малую Кабарду), чтобы стала очевидной непригодность термина «племя» как универсального для обозначения отдельных этнических групп адыгов в первой половине XIX в. Безусловно феодальный характер носило и другое адыгское подразделение — бесленеевцы, отделившиеся от кабардинцев в XV в.¹⁴. Поэтому нам кажется более правильным говорить в данном случае не о племени, а о народности, хотя у адыгов в первой половине XIX в. и сохранялись, наряду с другими пережитками первобытнообщинного строя, следы древнего родоплеменного деления.

Заслуживает внимания тот факт, что ряд авторов первой половины XIX в., близко знакомых с социальным строем и бытом адыгов, предпочитает иногда именовать отдельные этнические группы адыгского происхождения не племенами, а народами¹⁵. Однако в общем по этому вопросу в литературе первой половины XIX в. наблюдается крайняя нечеткость и неопределенность представлений, и нередко один и тот же

¹² Здесь Хан-Гирея следует поправить: адыгская территория вдоль Кубани простиралась лишь до устьев Лабы, которая далее служила границей адыгских земель примерно до середины течения, где граница постепенно отходила на восток до Урупа, а уже с этой реки переходила на Куму.

¹³ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», СПб., 1836, ч. I, л. 1—1 об. (рукопись, хранящаяся в библиотеке Центрального государственного военно-исторического архива (далее ЦГВИА) под шифром 71/Г-51).

¹⁴ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, Тифлис, 1861, стр. 84; Е. Н. Кушева, Социально-экономические и политические отношения в Кабарде в XVI—XVII вв., «Сборник статей по истории Кабарды», вып. V, Нальчик, 1956, стр. 100.

¹⁵ [Г. В.] Новицкий, Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе, «Тифлиссские ведомости», 1829, № 22; К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 69—70.

автор употребляет для обозначения этнических групп адыгов как равнозначные термины: «племя», «народ», «отрасль», «поколение», «общество», «владение». Такое словоупотребление характерно, в частности, для очерка Н. Ф. Дубровина «Черкесы (адыге)», обобщавшего весь этнографический материал об адыгах, накопленный за первую половину XIX в. в русской науке¹⁶. Почвой для такого рода терминологической путаницы являлась разнотипность самих адыгских подразделений, для которых авторы первой половины XIX в. пытались подобрать соответствующие их характеру понятия. В одном случае действительно приходилось иметь дело с осколками былых племен или пережиточно сохранившимися племенными группами; в другом случае речь шла о явно более поздних феодальных образованиях, возникших на развалинах древней родоплеменной структуры. Лишь некоторые исследователи черкесского быта видели принципиальную разницу между этими двумя категориями этнических подразделений адыгов в первой половине XIX в. К числу их в первую очередь нужно отнести выдающегося адыгского этнографа Хан-Гирея¹⁷, который в своих «Записках о Черкесии» делит адыгов на «владения» и «племена». К сожалению, вопрос о стадияльных формах этнического развития адыгов в XVIII—XIX вв. до сих пор еще не привлекал должного внимания этнографов, хотя он представляет не только конкретно-исторический, но и общетеоретический интерес. В данной статье мы не имеем возможности останавливаться на этом вопросе специально и только отметим, что незавершенность процесса консолидации адыгских племен в народности создает дополнительные трудности в определении внутренних этнических границ и численности адыгов.

К началу XIX в. нам известно около 18 этнических подразделений адыгов, однако не все они сохранились на протяжении первой половины XIX в., когда ряд мелких подразделений стал быстро исчезать, поглощаясь более крупными. Так, например, по сообщению Л. Я. Люлье, «племя»¹⁸ *гуайе*, занимавшее в XVIII в. ряд речных долин («долину Псеюзе и несколько других») и бывшее некогда «главным» среди причерноморских адыгов, в первой половине XIX в. сливается с натухайцами и шапсугами¹⁹. Поэтому большинство авторов первой половины XIX в. не выделяют гуайе как особое подразделение адыгов, хотя, по данным Г. В. Новицкого, гуайе насчитывалось в 1829 г. 300 дворов (2400 душ)²⁰. Довольно значительным племенем до XIX в. были *шегаки* (*хегаки*), обитавшие в районе Анапы. Клапрот в начале XIX в. определял его численность в 950 семейств²¹. В 1812 г. это племя сильно

¹⁶ Первоначально опубликован в «Военном сборнике», СПб., 1870, №№ 3—6; затем включен в т. I, кн. I «Истории войны и владычества русских на Кавказе», стр. 62—259.

¹⁷ О Хан-Гирее см.: М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 184—208.

¹⁸ Мы употребляем условно этот термин, подчеркивая, что у адыгов в XVIII и первой половине XIX в. имелись лишь поздние пережиточные формы древнего племенного деления, исчезающие в процессе развития феодальных отношений и становления народностей. В данном случае коренное изменение установившейся в литературе терминологии внесло бы лишь новую путаницу.

¹⁹ Л. Люлье, Указ. раб., стр. 185; его же, О натухайцах, шапсугах и абадзехах, «ЗКОРГО», кн. IV, стр. 228.

²⁰ Г. В. Новицкий, Указ. раб. Тот же Новицкий в 1830 г., определяя народонаселение адыгов, численности гуайе отдельно не дает (см. «Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапы до истока реки Кубани. Записка штабс-капитана Новицкого, составлена 15 сентября 1830 г.», «Кубанские областные ведомости», 1884, № 38).

²¹ I. Klapproth, Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse, Paris—Leipzig, 1827, стр. 90; ср. F. Dubois de Montpereux, Указ. раб., т. I, стр. 107, где численность шагаков определена в 20 000.

пострадало от эпидемии чумы, и его остатки вскоре растворились в среде окружающих натухайцев²². В первой половине XIX в. были почти поглощены соседними народностями *жанеевцы* (*жанэ*), считавшиеся в XVII—XVIII вв. одним из сильнейших адыгских племен; теряли свою самостоятельность такие мелкие адыгские подразделения (происхождение и характер которых не вполне ясны), как *чэбсины* (по определению Люлье — «сродники жанеевцев»), *адале* (*хетук*), *адемиевцы* (*адэмий*). Этот процесс совершался в обстановке обостренной межплеменной и классовой борьбы, осложненной внешнеполитическими факторами, что оказывало определенное влияние на процесс консолидации адыгских племен, то ускоряя, то задерживая его. Однако при всех частных отклонениях основная линия развития вела к уменьшению этнической дробности адыгов. К середине XIX в. из восемнадцати подразделений адыгов, существовавших к началу этого века, реальное значение имели одиннадцать: 1) кабардинцы, 2) бесленеевцы, 3) темиргоевцы, 4) бжедуги, 5) хатукаевцы, 6) махосевцы, 7) мамхеговцы, 8) егерухаевцы, 9) абадзехи, 10) шапсуги, 11) натухайцы. Ядром складывающихся в первой половине XIX в. адыгских народностей делаются, кроме кабардинцев, также и темиргоевцы, с которыми в значительной мере объединяются егерухаевцы, мамхеговцы, адемиевцы. Крупнейшая адыгская народность начинает формироваться в это время на базе объединившихся натухайцев и шапсугов, к которым тяготели и абадзехи²³.

При определении территорий, занятых в первой половине XIX в. адыгскими племенами и народностями, очень важное значение имеет система рек и горных хребтов и князей, которые являлись естественными пограничными рубежами для отдельных этнических групп. Однако в силу того, что до середины XIX в. топографическое изучение Северо-Западного Кавказа, где обитала большая часть адыгов, было еще недостаточным, трудно локализовать и сопоставлять географические данные, имеющиеся в источниках того времени. Ряд авторов, которым удалось проникнуть глубже в страну закубанских и причерноморских адыгов и лучше ознакомиться с ее топографией и расселением обитавших там племен и народностей, дает в своих описаниях, исходя из принятой у местного населения топонимики, такие названия многочисленных рек, горных хребтов и князей, которые часто нельзя найти на географических картах²⁴. Географические же карты того времени, помимо своей недостаточной точности, вдобавок так извращали местную топонимику, что пользоваться ими как надежным источником было бы

²² Л. Я. Люлье, *Общий взгляд на страны, занимаемые... черкесами (адиге)...*, стр. 174.

²³ Факт тесного сближения в первой половине XIX в. натухайцев и шапсугов единодушно отмечают все источники того времени. Так, в «Обзоре политического состояния Кавказа», составленном в 1840 г. обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса ген.-м. А. И. Мендом, указывается, что в состав шапсугов «входят единоплеменные им натукуадж и шебеки» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6382, л. 5). Ср. также Ф. Ф. Торнау, *Указ. раб.*, стр. 427 сл.; Л. Люлье, *О натухажцах, шапсугах и абадзехах*, стр. 228—237.

²⁴ Так, не поддается точному обозначению на географических картах Кавказа XIX—XX вв. значительная часть рек, хребтов и гор, перечисленных в «Топографическом описании северной покатости Кавказского хребта...», составленном Г. В. Новицким в 1830 г. (См. «Кубанские областные ведомости», 1884, №№ 34, 36, 38 и 40). Между тем эта работа является для первой половины XIX в. наиболее подробным топографическим описанием территории западных адыгов, произведенным по специальному заданию командования Отдельным Кавказским корпусом (с этой целью Новицкий летом 1830 г. тайно проехал через земли западных адыгов от Анапы до р. Лабы). Точно так же не обозначены на картах XIX в. многие реки и урочища, названные в статье Л. Я. Люлье «Общий взгляд на страны, занимаемые... черкесами (адиге)...», хотя к ней была приложена даже специальная карта.

неосмотрительно²⁵. Поэтому надо было предварительно провести большую и кропотливую работу, чтобы согласовать разноречивые показания источников о племенных территориях западных адыгов. Такой труд взял на себя Е. Д. Фелицын (1848—1903), составивший карту расселения западно-кавказских горцев в первой половине XIX в. Эта карта и берется нами за основу для определения племенных границ западных адыгов²⁶. Что же касается кабардинцев, то их территория для первой половины XIX в. может быть обозначена с достаточной точностью без особых затруднений.

Руководствуясь картой Е. Д. Фелицына и сопоставляя ее с данными Л. Я. Люлье, Г. В. Новицкого, Ф. Ф. Торнау, К. Ф. Сталя, а в части, относящейся к Кабарде, дополняя ее данными С. М. Броневского, мы получаем следующую примерную картину расселения адыгских племен и народностей. Начиная с северо-запада первыми от Черного моря жили *натухайцы* (*натхъуэдж*); границами их поселений по берегу моря были устья рек Кубани и Пшады²⁷, с востока — р. Адагум. За натухайцами жили *шапсуги*, занимавшие на северном склоне Кавказского хребта огромный четырехугольник между реками Адагумом, Кубанью и Супс (так называемый Большой Шапсуг)²⁸, а на южном склоне — все побережье от реки Пшады, до реки Шахе (Малый Шапсуг)²⁹. Таким образом, шапсуги занимали вдвое больше земли, чем натухайцы, но их территория, более гористая, была менее удобна для жизни и хозяйствования. На юго-восток от Большого Шапсуга между реками Супс и Белой (Схагуше) жили *абадзехи* (*абдзах*)³⁰, земли которых на юге граничили с Главным Кавказским хребтом, а на севере — с землями бжеду-

²⁵ См., например, «Карту Российских владений за Кавказом», составленную Корпуса топографов поручиком Колоколовым в 1836 г. Эта карта была издана как официальная для широкого пользования.

²⁶ Следует оговориться, что границы западно-адыгских племен на протяжении первой половины XIX в. подвергались частым и иногда существенным изменениям. Поэтому всякое обозначение этих границ в статике представляется в известной мере условным.

²⁷ Установить точно южную границу натухайской территории невозможно, так как южнее нынешнего Новороссийска натухайцы жили уже смешанно с шапсугами, которых даже в официальных русских источниках того времени именовали «шапсугскими натухайцами» (ср. Ф. А. Щербина, История Кубанского казачьего войска, т. II, Екатеринодар, 1913, стр. 8). Л. Я. Люлье в своей статье «Общий взгляд на страны, занимаемые... черкесами (адиге)...» указывает, что земли натухайцев на юге оканчивались долиной р. Бу (Буапъ). На карте, приложенной к этой статье, территория натухайцев на юге простирается до р. Шахе (несколько севернее р. Бу), за которой уже начиналась земля убухов. Между тем побережье севернее р. Шахе большинством источников считается шапсугской территорией.

²⁸ По данным К. Ф. Сталя, Большой Шапсуг западной границей имел р. Шебс, а восточной р. Псекупс (Указ. раб., стр. 94). Это не согласуется с указанием Люлье о том, что Большой Шапсуг располагался между р. Супс, отделяющей его от абадзехов, и р. Адагум, являвшейся границей с землями натухайцев («О натухажцах, шапсугах и абадзехах», стр. 231).

²⁹ Как указывает Ф. Ф. Торнау, шапсуги «сами горцы делят на больших и на малых» (ср. его «Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря от устья Кубани до устья Ингура», ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18511, л. 11 об.; Торнау допускает в этом «Обзоре» ошибку, включая безоговорочно натухайцев в состав шапсуги и считая, что шапсуги занимали, таким образом, «берег Черного моря от Анапы до реки Шахе» (там же, л. 11). Эту ошибку Торнау повторяет в своих «Воспоминаниях кавказского офицера». К. Ф. Сталь считает, что северной границей Малого Шапсуга является р. Джубга, отделяющая шапсуги от натухайцев (Указ. раб., стр. 94).

³⁰ Согласно данным Ф. Ф. Торнау, абадзехов отделяла от Большого Шапсуга р. Псекупс (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18511, л. 12 об.), впадающая в Кубань восточнее р. Супс; К. Ф. Сталь, наоборот, считает, что граница между Большим Шапсугом и землей абадзехов проходила по р. Афипс, то есть западнее р. Супс (К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 85).

гов и хатукаевцев. Из всех адыгских подразделений абадзехи занимали самую обширную и в значительной части высокогорную территорию, хотя на их земле были и плодородные долины, что и обусловило принятое в тогдашней литературе деление их на горных («дальних») и равнинных («ближних»). *Бжедуги*, делившиеся в свою очередь на хамышевцев и черченеевцев, жили севернее абадзехов вплоть до Кубани; *хамышевцы* — от шапсугской границы (р. Супс) до р. Псекупс; *черченеевцы* — далее на восток, до р. Пишиш. По соседству с бжедугами на Кубани обитали жанеевцы, жившие также среди натухайцев на Адагуме и в 70 км вниз по течению р. Кубани, на острове Каракубань³¹. Севернее абадзехов и восточнее бжедуг-черченеевцев между нижним течением рек Пишиш и Белой обитали *хатукаевцы* (*хъатикъуай*). Остальную нижнюю часть долины р. Белой вплоть до Лабы занимали *темиргоевцы* (*кэмгуй*) вместе с адемиевцами³², а выше, в пределах этой же долины, жили егерухаевцы, махашевцы, мамхеговцы. Территория егерухаевцев, граничившая на севере с темиргоевцами, врезалась клином между землями мамхеговцев и махашевцев, живших южнее (первые — на запад от егерухаевцев, вторые — на восток). Егерухаевцы имели небольшие пограничные линии с абадзехами на западе и юге, а на востоке границей их земель была р. Лаба. Мамхеговцы на западе и юге граничили с абадзехами, на востоке с егерухаевцами, а на севере лишь узкая полоса земель егерухаевцев отделяла мамхеговцев от темиргоевцев. Махашевцы же занимали треугольник, вершина которого на севере упиралась в р. Лабу, а основание граничило на юго-западе с землями абадзехов, а на юго-востоке с землями бесленеевцев. Западная сторона этого треугольника проходила вдоль земель егерухаевцев, а восточная — вдоль Лабы.

Последними в этом ряду адыгских племен и народностей, обитавших в бассейне Кубани, были *бесленеевцы*, которые, гранича на северо-западе по р. Ходзь с махашевцами (на незначительном пространстве, так как в этом месте в адыгскую территорию с юго-запада врезались поселения абазинского племени баракаевцев), на юго-западе огибали по течению Ходзя земли баракаевцев и отсюда распространялись на восток до р. Урупа, включая таким образом в свои владения самый юго-восточный район расселения адыгов за Кубанью.

В XVIII в. территория бесленеевцев фактически сливалась с территорией кабардинцев, живших в бассейне Терека. Река Кубань была в то время условной границей между владениями кабардинцев и бесленеевцев, которые, спасаясь от набегов и разорения крымских ханов, не искали себе убежище в Кабарде, переходя туда на постоянное жительство. К началу XIX в., когда Кубань стала пограничной рекой между

³¹ Жанеевцев некоторые авторы причисляют к бжедугам, считая, что они составляли третью отрасль этого племени (ср. Ф. Щербина, Указ. раб., стр. 10). Это, по-видимому, объясняется тем обстоятельством, что жанеевцы в первой половине XIX в. весьма уменьшились в численности и жили в ближайшем соседстве с бжедугами. Л. Я. Люлье подчеркивает, что от жанеевцев сохранились лишь «слабые остатки» в низовьях Кубани по соседству с бжедугами и на Адагуме между натухайцами («Общий взгляд на страны, занимаемые... черкесами (адыге)...», стр. 180).

³² К. Ф. Сталь относит адемиевцев к бжедугам быть может потому, что они несколько раз меняли место своего жительства и одно время обитали по левому берегу р. Белой в соседстве с бжедугами. Н. Каменев на основании народных преданий определенно причисляет адемиевцев к племенам, отделившимся от темиргоевцев (см. его статью «Бассейн Псекупса» в «Кубанских войсковых ведомостях» за 1867 г., №№ 2, 5). Такой же точки зрения придерживается и Клапрот (см. J. Klapproht, Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, т. I, Halle und Berlin, 1812, стр. 468).

владениями России и Турции на Северном Кавказе, связи между кабардинцами и их соплеменниками, живущими за Кубанью, были значительно затруднены, так как до Адрианопольского договора (1829 г.) все закубанские адыги рассматривались царскими властями как иностранные подданные и сношения их с Кабардой были официально запрещены. Однако и в этот период адыги, жившие по обе стороны государственной границы, старались поддерживать сношения между собой, а в 1804 и 1822 г., в связи с антиколониальным движением в Кабарде, значительная группа кабардинцев переселилась за Кубань к бесленевцам и абадзехам³³.

Территория кабардинцев делилась Тереком на две неравные части, из которых западная — была большей и доходила в XVIII в. до верховьев Кубани (занятых карачаевцами) и Кумы, а в начале XIX в., в результате чумных эпидемий 1806 и особенно 1811 г., сократилась до Малки³⁴, как и определяет границу Большой Кабарды С. М. Броневский³⁵. Малая Кабарда, лежащая на восток от Большой Кабарды, простиралась в начале XIX в. по правому берегу Терека до Нижнего Наура; проведенная отсюда на юг, к р. Сунже, линия, образовывала, по данным С. М. Броневского, восточную границу Малой Кабарды, за которой шли уже земли Чечни³⁶. На юге кабардинцы граничили с балкарцами, осетинами, ингушами.

Переходя к рассмотрению вопроса о численности адыгов в первой половине XIX в., следует подчеркнуть, что здесь мы из-за отсутствия достоверных данных и крайней противоречивости имеющихся в нашем распоряжении источников сталкиваемся с особенно большими трудностями. Сами адыги в это время никакой регулярной статистики, охватывающей все народонаселение, не вели. «...Владельцы аулов и старшины тогда только приводят в известность число семей или дворов своих подвластных и соположенников, когда важные обстоятельства принуждают их делать раскладки обязанностей и платы посемейно, но о числе душ в семействах никогда не знают... Следствием этих обстоятельств верное исчисление народонаселения Черкесии делается не только затруднительным, но даже — невозможным», отмечал Хан-Гирей в своих «Записках о Черкесии»³⁷.

В первой половине XIX в. делались многочисленные попытки определить численность адыгов. Занимались этим различные путешественники, частные и официальные лица, по своей инициативе и по поручению начальства. Особенно, конечно, заинтересовано было в выяснении этого вопроса царское командование на Кавказе, которое не раз давало подобное поручение лучшим офицерам генерального штаба. Однако, несмотря на то, что офицеры эти не жалели своих сил и прояв-

³³ Эти закубанские кабардинцы, называвшиеся в русских источниках первой половины XIX в. «беглыми кабардинцами», составляют в настоящее время большую часть адыгского населения Карачаево-Черкесской автономной области и в современной литературе обычно именуются черкесами.

³⁴ Г. И. Филиппсон, производивший летом 1836 г. топографическую съемку местности к югу и западу от Кисловодска, между Кубанью, Кумой и Малкой, отмечает: «На всем пространстве съемок не было почти никакого жилья; только беспрестанно встречались по балкам пространства, заросшие крапивой и высоким бурьяном. Это были места аулов, жители которых в 1811 г. вымерли от чумы или разбежались» (См.: Г. И. Филиппсон, Воспоминания, «Русский архив», 1883, кн. 3, стр. 166).

³⁵ «Границы Большой Кабарды определяются с трех сторон углом, происшедшим от стечения Малки с Тереком» (С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 85).

³⁶ Там же, стр. 90. Нижний Наур находится на 55 в. восточнее Моздока, если считать по прямой линии.

³⁷ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 47, об. — 48.

ляли максимум изобретательности при сборе необходимых данных, рискуя иногда даже своей жизнью, все подсчеты адыгского населения были, как правило, мало удовлетворительны. Даже численность тех частей адыгов, которые в первой половине XIX в. находились под управлением царского командования на Кавказе и считались «мирными», определялась весьма приблизительно, не основываясь ни на каких переписях населения, так как всякая попытка провести такую перепись наталкивалась на подозрительное и прямо враждебное отношение горцев, грозя серьезными политическими осложнениями. «Все цифры, которыми обозначали кавказское население, брались приблизительно и можно сказать на глаз», — пишет Ф. Ф. Торнау, который в 30-х гг. XIX в. по заданию генерального штаба занимался сбором сведений о западнокавказских горах. «По понятиям горцев, — продолжает Торнау, — считать людей было не только бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться»³⁸.

Надо сказать, что горцы, в том числе и адыги, считали «грешным делом» только те подсчеты, которые производили среди них царские офицеры. Сами же горцы, как это видно из свидетельства Хан-Гирея, производили в нужных случаях подсчет дворов или семей, и именно этими подсчетами руководствовались те, кто служили информаторами для Хан-Гирея, Торнау, Новицкого, Сталя и многих других, бравших на себя нелегкий труд определить численность адыгского населения в первой половине XIX в. Осведомленность авторов, касавшихся вопроса о численности адыгского населения, была, естественно, различной, как различен был и подход их к оценке сведений, полученных от своих информаторов. Одни авторы склонны были брать на веру любые цифры, другие были более осторожны в своих подсчетах и оговаривались, что их сведения нуждаются в дополнительной проверке. К числу таких, весьма добросовестных и требовательных авторов следует отнести Хан-Гирея, Торнау и Сталя. Хан-Гирей, например, приводя таблицу о числе народонаселения в Черкесии, предваряет ее следующими замечаниями: «...Я руководствовался лишь предположениями, основанными на сведениях, мне сообщенных несколькими из тех же племенными лицами, которые между соотечественниками своими пользуются уважением, доверенностью и почитаются многосведущими. Однако сведения эти нельзя выдавать за достоверные и они подвержены большим сомнениям...»³⁹. Далее Хан-Гирей указывает, что он «счел за лучшее представить народонаселение этой страны в виде уменьшенном противу мнения лиц, уже писавших об этом предмете, и других, может быть преувеличенных известий. Это мне кажется есть средство не впасть в грубые погрешности...»⁴⁰. Исходя из этих соображений, Хан-Гирей предлагает два варианта исчисления населения Черкесии. По первому варианту он считает по 5 чел. на двор, что составляет всего свыше 250 тыс. жителей Черкесии, а по второму варианту, считая по 6 чел. на двор, Хан-Гирей определяет численность жителей этой страны в 298,5 тыс.⁴¹. В число населения Черкесии Хан-Гирей включает 3420 дворов, «обитающих между черкесами» абхазов (точнее — абазин) и ногайцев. Если исключить это неадыгское население Черкесии, то, по данным

³⁸ Ф. Ф. Торнау, Воспоминания кавказского офицера, «Русский вестник», т. 53, 1864, № 9, стр. 69.

³⁹ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 47.

⁴⁰ Там же, лл. 48 об. — 49.

⁴¹ Там же, л. 50.

Хан-Гирея, в Черкесии насчитывалось 44 190 дворов адыгов, что составляет по первому варианту (считая по 5 чел. на двор) — 220 950 чел., а по второму — 265 140 чел.⁴² Однако Хан-Гирей при своих подсчетах сильно уменьшил численность кабардинцев, считая в Кабарде всего 4560 дворов (в том числе 3760 дворов в Большой Кабарде), тогда как С. М. Броневский насчитывал во всей Кабарде 13 000 дворов. Сам Хан-Гирей, ссылаясь в примечании к своей таблице на данные Броневского, делает такой вывод: «следовательно в одном этом поколении (т. е. кабардинском.— В. Г.) 65 000 душ обоего пола, полагая на каждый двор по 5 душ круглым числом и это показание должно быть весьма приблизительно, судя по тому, что этот писатель (С. М. Броневский.— В. Г.) мог иметь верные сведения о кабардинцах через пограничное начальство»⁴³. Таким образом, если принять во внимание данные Броневского, то количество дворов в Большой и Малой Кабарде надо увеличить на 8440, но при этом из подсчетов Хан-Гирея необходимо исключить 2480 дворов, которые по его сведениям принадлежали в 1830-х гг. кабардинцам, переселившимся за Кубань (данные Броневского относятся к началу XIX в., когда бегство кабардинцев за Кубань еще не произошло и следовательно 13 тыс. дворов Большой и Малой Кабарды включали и тех кабардинцев, которые позднее оказались за Кубанью). Тогда, исходя из принятого Хан-Гиреем метода исчисления адыгского населения, следует добавить к его общим итогам по первому варианту (т. е. считая по 5 чел. на двор) еще 29 800 чел. кабардинцев, что составит всего 250 750 чел. адыгского населения, а по второму варианту (т. е. считая по 6 чел. на двор) — 35 760 чел. кабардинцев, что составит всего 300 900 чел. Выведенные нами на основе данных Хан-Гирея и Броневского цифры, показывающие общую численность адыгского населения, следует признать самыми минимальными.

Среди лиц, пытавшихся до Хан-Гирея определить численность адыгов, прежде всего следует назвать Г. В. Новицкого. В 1829 г. в газете «Тифлиссские ведомости» появилась статья Новицкого «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе». В редакционном примечании к этой статье указывалось, что сведения для нее «собраны из самых достоверных источников господином артиллерии поручиком Новицким, который находился на месте по поручению начальства. Ему в особенности способствовал к исполнению сего полезного предприятия войсковой старшина Черноморского войска Могукаров, который, будучи сам природный черкес шапсугского племени, знает совершенно взаимные связи сих народов»⁴⁴. Действительно, сообщаемые в этой статье данные были во многих отношениях новыми и ценными. В частности, интересны были сведения об адыгском народонаселении, численность которого «по рассказам черкесских старейшин» Новицкий определял в 32 850 дворов или 262 800 душ. Таким образом Новицкий в среднем считал на один двор 8 чел.⁴⁵

Вполне вероятно, что сообщаемые в статье Новицкого статистические данные были известны Хан-Гирею. В пользу такого предположения говорит тот факт, что Хан-Гирей, приводя в своих «Записках о Черкесии» второй вариант исчисления народонаселения Черкесии, согласно

⁴² Мы здесь несколько исправляем подсчеты Хан-Гирея, у которого неправильно выведены итоговые цифры, в частности количество дворов адыгского и неадыгского населения Черкесии.

⁴³ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 50.

⁴⁴ «Тифлиссские ведомости», 1829, № 22, прим. 1.

⁴⁵ Новицкий включает в число адыгов и убыхов — 1200 дворов или 9600 душ, но не считает жителей Большой и Малой Кабарды.

которому у него получается итог в 298 523 душ обоого пола, замечает: «И это исчисление будет близко к сведениям новейших собирателей статистических данных о Кавказском крае, которые исчисляют населенность Черкесии до 300 000 душ»⁴⁶. Именно такую цифру указывает Г. В. Новицкий в заключение своих расчетов. «Взяв в соображение,— пишет он,— что черкесские дворы заключают в себе по несколько домов или семейств, можно утвердительно сказать, что народонаселение Адехе простирается до 300 000 душ»⁴⁷.

В 1830 г. Г. В. Новицкий дал новый подсчет народонаселения адыгов, явившийся результатом его тайной разведочной поездки в Закубанье. На этот раз Новицкий совсем исключил из своего подсчета кабардинцев, однако по-прежнему оставил убыхов. Теперь он считал на каждый двор по 20 чел., определяя общую численность адыгов в 54 110 дворов или 1 082 200 душ обоого пола⁴⁸. Крайняя преувеличенность цифр 1830 г. бросается в глаза прежде всего при сопоставлении их с данными самого Новицкого, относящимися к 1829 г. Численность адыгов в 1830 г. по подсчетам Новицкого превосходит численность 1829 г. в общем более, чем в три раза, а в отдельных случаях даже в четыре и пять раз. Так, численность абадзехов определяется Новицким в 1829 г. в 80 тыс., а в 1830 г.— в 260 тыс., натухайцев (соответственно) — в 60 тыс. и 240 тыс., шапсугов — в 56 тыс. и 300 тыс., темиргоевцев в 20 тыс. и в 80 тыс. и т. д. Г. В. Новицкий никак не мотивирует в своей записке 1830 г. столь резкое расхождение представляемых им расчетов численности адыгов с его же данными 1829 г. Приходится, следовательно, объяснять это расхождение той новой информацией, которую он получил в 1830 г.

Но насколько сведения о численности адыгов, полученные в 1830 г., были точнее сведений, полученных в 1829 г.? Мы знаем, что в 1830 г. Г. В. Новицкий проехал тайно через землю западных адыгов от Анапы до р. Лабы. Но могла ли эта тайная поездка, продолжавшаяся всего несколько дней, дать возможность Новицкому лично собрать, а тем более проверить на месте те сведения о численности адыгов, которые он приводит в своей записке? Стоит только так поставить вопрос, чтобы ответить на него безусловно отрицательно.

Осведомленные в соответствующих делах современники весьма критически оценивали результаты тайной поездки Новицкого через землю адыгов. В этом отношении интересен отзыв Г. И. Филиппсона, опытного генштабиста, много лет служившего на Северном Кавказе, бывшего начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории, в руках которого в 40-х годах XIX в. сосредоточивались все агентурные сведения о горцах. Филиппсон считает, что Новицкий совершил «бесполезный подвиг», так как он имел возможность ехать по земле непокорных горцев только ночью, а дни проводил у знакомых своих проводников, известных шапсугских дворян братьев Аббат⁴⁹. Старший из братьев Аббат —

⁴⁶ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. I, л. 50—50 об.

⁴⁷ [Г. В.] Новицкий, Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе. Заслуживает внимания совпадение терминологии у Хан-Гирея и у Новицкого. И тот, и другой употребляют слова «дом», «двор» и «семейство» как синонимы.

⁴⁸ Г. В. Новицкий, Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта..., «Кубанские областные ведомости», 1884, № 38. Приведенная здесь у Новицкого таблица не дает итоговых цифр, которые подсчитаны нами с внесением исправления в число дворов у темиргоевцев; в таблице ошибочно на 80 тыс. темиргоевцев показано 1500 дворов; мы исправляем эту цифру на 4000, исходя из того, что у Новицкого по подсчетам 1830 г. на двор, как правило, приходится 20 душ.

⁴⁹ Г. И. Филиппсон, Указ. раб., стр. 170. Филиппсон называет проводниками Г. В. Новицкого Абата и Убыха Неморе, однако в литературе более принято считать их из «фамилии» Абат или Аббат.

Бесленей был главным информатором Г. В. Новицкого во время его разведывательной поездки по Черкесии в 1830 г. Бесленею же по всем данным принадлежат и сведения о численности адыгов, которые приведены Новицким в записке 1830 г. Эти сведения, вероятно, преувеличены Бесленеем Аббатом по следующим соображениям. Являясь одним из лидеров шапсугского и натухайского дворянства, которое с конца XVIII в. вело напряженную борьбу с восставшим народом и все более и более теряло свои прежние права и привилегии, Бесленей Аббат решил в этой классовой борьбе с соплеменниками опереться на поддержку царской России, под власть которой после Адрианопольского мира окончательно перешла Черкесия. Для того чтобы широко задуманный Бесленеем Аббатом план политического союза с русским царизмом был реализован на наиболее выгодных для адыгских феодалов условиях, имело смысл возможно более преувеличить численность адыгов и особенно шапсугов и натухайцев. Тем самым увеличивалось значение акта добровольного перехода адыгских феодалов на сторону царского правительства. Бесленей Аббат, бывший, по свидетельству Хан-Гирея, весьма умным и хитрым человеком⁵⁰, сумел убедить в правильности своих данных о численности адыгов и Г. В. Новицкого. Сделать это было тем легче, что Черкесия действительно имела в то время сравнительно густое население, а характер поселений шапсугов, натухайцев и абадзехов, по земле которых проезжал в спешке Новицкий⁵¹, был таков, что у путешественника, мало знакомого с краем, само собой составлялось преувеличенное представление о численности населения. Дело в том, что жившие в горных долинах шапсуги, натухайцы и абадзехи, в отличие от кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев, бжедугов и других адыгских племен и народностей, обитавших в предгорьях и на плоскости, расселялись не компактно, а разбросанными усадьбами (обычно вдоль течения реки), так что населенные пункты здесь как бы беспрерывно следовали друг за другом. «Аулы натухайцев, как и прочих вообще горцев,— писал по этому поводу один из современников,— не отличались такой скученностью сакель, как аулы на плоскостях, например, бжедугов. То были нескончаемые цепи дворов, разбросанных по вкусу их хозяев всюду по ущельям, горным террасам и долинам»⁵². Естественно, что такой характер поселений шапсугов, натухайцев и абадзехов еще более усложнял приблизительный подсчет адыгского населения, который, как мы знаем, строился на основе определения численности дворов в каждом отдельном племени и народности.

Приведенные Г. В. Новицким в записке 1830 г. цифры численности западных адыгов были встречены в тогдашних кавказских военных кругах скептически ввиду их явной завышенности. Ни один из офицеров генерального штаба, занимавшихся в это время специальным изучением

⁵⁰ Хан-Гирей, Бесльний Абат (Из сочинений под заглавием «Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов и преданий»), газ. «Кавказ», 1847, №№ 42—47. О Бесленее Аббате см. также I. S. Bell, Указ. раб., стр. 339—344. Уже в 1829 г., как указывает на это сам Г. В. Новицкий в своих воспоминаниях, он, будучи в Анапе, завязал тайные сношения с Бесленей Аббатом, выезжая для встречи с ним в горы и делая ему различные подарки. Через год знакомство было возобновлено и привело к поездке Новицкого в сопровождении Бесленей Аббата в земли непокорных горцев. (См. Г. Новицкий, Воспоминания воспитанника первого выпуска из Артиллерийского училища, «Военный сборник», 1871, № 2, стр. 291—294).

⁵¹ Г. И. Филиппсон говорит, что Новицкий «проскакал» по территории Черкесии (Указ. раб., стр. 170). Ф. Ф. Торнау сообщает, что путешествие Новицкого длилось всего трое суток («Воспоминания кавказского офицера», «Русский вестник», т. 53, 1864, № 9, стр. 15).

⁵² Султан Крым-Гирей, Путевые заметки, «Кубанские войсковые ведомости», 1866, № 20.

горцев Западного Кавказа, не принял этих цифр за основу; большинство, как правило, давало цифры, по крайней мере в два раза меньшие. Ф. Ф. Торнау, который в 30-х гг. XIX в. совершил несколько разведывательных поездок через земли западных адыгов, определяет общую численность их максимум в 500 тыс.⁵³ Для этого же времени И. Ф. Бларамберг, тщательно изучивший все имевшиеся в генеральном штабе источники об адыгах, дает очень близкую к подсчетам Торнау цифру максимальной численности западных адыгов в 501,9 тыс. чел., а минимально считает, что их было вместе с кабардинцами около 300 тыс.⁵⁴ В пределах 300 тыс. определяет минимальную численность адыгов и К. Ф. Сталь⁵⁵. На цифрах от 300 до 500 тыс. останавливается, таким образом, большинство авторов, пытавшихся определить численность адыгов в первой половине XIX в. Западные европейские путешественники, посещавшие Кавказ в рассматриваемый период также обычно не выходят за пределы этих цифр. Если взять, например, Дюбуа де Монпере, то по его подсчетам, относящимся к 1830-м гг., адыгов (без кабардинцев) было 507,8 тыс.⁵⁶ Карл Кох считает для этого же времени всего адыгов (включая кабардинцев) 575,5 тыс.⁵⁷ Только Лонгворт для конца 1830-х гг. и Лапинский для конца 1850-х гг. дают цифру, близкую к сообщенной в записке 1830 г. Новицким, определяя общую численность адыгов (без кабардинцев) в 800—900 тыс. (Лапинский)⁵⁸ и около 1 млн. (Лонгворт)⁵⁹. Но оба эти автора в число адыгов (черкесов) включают убыхов и всех абазинцев, причем крайне завышают среднюю численность жителей адыгского двора⁶⁰. Можно думать, что Лонгворт и Лапинский преувеличивали численность адыгского населения не столько вследствие своей неосведомленности (так как Лонгворт прожил среди причерноморских адыгов около года, а Лапинский — около трех лет), сколько по политическим расчетам, которых они, кстати сказать, и не скрывают в своих книгах.

Итак, кроме явно тенденциозных расчетов, каковыми, по нашему мнению, являются данные Бесленея Аббата, приведенные в записке Новицкого 1830 г., а также данные, сообщаемые в работах Лонгворта

⁵³ Ф. Ф. Торнау включает в это число и 6000 убыхов (См. «Воспоминания кавказского офицера», «Русский вестник», т. 53, 1864, № 10, стр. 427—428). В составленной Торнау в 1839 г. записке для служебного пользования дается численность только мужского населения Черкесии, но примерно соответствующая опубликованным им в «Воспоминаниях кавказского офицера» данным о населении обоего пола (см. его «Краткий обзор горских племен, живущих за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубани до устья Ингура. 1839»). Так, в «Воспоминаниях» Торнау считает бесленевцев около 8000, а в указанной архивной записке — 3750 душ мужского пола (д. 18511, л. 7), бжедухов — соответственно 6000 и 3000 душ мужского пола (д. 18511, л. 8 об.) и т. д.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18508. «Tableau historique, topographique statistique, ethnographique et militaire du Caucase par J. de Blaramberg, 1834», т. II, л. 98, и т. I, л. 87. Мы даем итоговые цифры по своим подсчетам данных Бларамберга, исключая из них убыхов и абазинцев, которых Бларамберг включает в число «черкесов».

⁵⁵ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 81—94. Из подсчетов Сталя «черкесского народонаселения» мы исключаем убыхов и абазинцев.

⁵⁶ F. Dubois de Montpereux. Указ. раб., т. I, стр. 107.

⁵⁷ К. Koch, Указ. раб., т. I, стр. 336.

⁵⁸ Th. Lapinski, Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freichetskampf gegen die Russen, Hamburg, 1863, т. I, стр. 16; ср. «Акты Кавказской археографической комиссии», т. XII, стр. 849.

⁵⁹ J. A. Longworth, Указ. раб., т. I, стр. 131.

⁶⁰ Лапинский считает в каждом адыгском дворе в среднем 17 жителей, а у убыхов (которых он тоже причисляет к адыгам), по его мнению, в каждом дворе проживало в среднем не менее 25 жителей (см. Указ. раб., т. I, стр. 76—79). Несколько иной расчет дает Лапинский в своей «Записке», поданной русскому военному атташе в Константинополе, где он считает на каждый двор в среднем от 16 до 18 жителей («Акты Кавказской археографической комиссии», т. XII, стр. 849).

и Лапинского, ни один из осведомленных в адыгской действительности авторов первой половины XIX в. не определяет численности адыгов намного выше 500 тыс. Поэтому следует удивляться тому, что сообщенные в записке Г. В. Новицкого 1830 г. данные о численности адыгов приобрели вдруг в XX в. популярность и стали приводиться во многих работах как достоверные. Примером может служить Ф. А. Щербина, который не только принимает эти данные, но и полагает, что «черкесов было больше, чем сколько показано у Новицкого»⁶¹. На эти данные стали затем ориентироваться и советские авторы. Так, в вышедшем в 1957 г. в издании Адыгейского научно-исследовательского института историко-этнографическом очерке «Адыги» указывается, что «Численность адыгов в первой половине XIX в. составляла по примерному подсчету до 1 млн. человек»⁶². Под впечатлением данных Г. В. Новицкого находился, по-видимому, и М. В. Покровский, который, отмечая противоречивость сведений об общей численности адыгского населения Западного Кавказа, приходит к заключению, что к середине XIX в. «она составляла примерно 700—750 тыс. человек»⁶³.

Преувеличенное представление о численности адыгов у авторов первой половины XIX в. обычно основывалось на неправильной, крайне завышенной оценке средней численности жителей в адыгском дворе. В этой связи следует отметить, что авторы называющие наиболее высокие цифры численности адыгского населения в то же время указывают сравнительно низкие цифры общего количества дворов. Так, Новицкий в записке 1830 г. считает, что общее количество дворов у адыгов равнялось 52 110 (без убыхов), Лапинский — 47 900 (без убыхов), а Бларамберг — 57 790, Клапрот — 56 480, Хан-Гирей — 44 190 (с поправкой количества дворов у кабардинцев согласно данным Броневского — 52 630).

На первый взгляд кажется странным, что Новицкий, определяющий в 1830 г. численность адыгов в 1042 тыс. человек (без убыхов), указывает меньшее количество дворов, чем, например, Бларамберг, который определяет численность адыгов только в 501,9 тыс. человек, но надо учесть, что Новицкий в данном случае считает на двор в среднем 20 человек, а Бларамберг лишь 8—9 человек. Если бы Новицкий в 1830 г. считал в среднем на адыгский двор 8 человек (как он это делал в 1829 г.), то общая численность адыгского населения была бы им определена всего лишь в 416 880 человек, т. е. вполне бы согласовывалась с данными других авторов, не склонных к преувеличениям.

Следовательно резкие расхождения в определении общей численности адыгов обусловлены прежде всего различной оценкой средней численности жителей адыгского двора.

Все авторы первой половины XIX в., определяющие численность адыгов в пределах 300—500 тыс., считают в среднем на каждый двор от 5—6 до 8—9 человек. Посмотрим насколько такая оценка средней

⁶¹ Ф. А. Щербина, Указ. раб., т. II, стр. 13. Совершенно иначе оценивал данные о численности адыгов, приведенные в записке Новицкого 1830 г. Е. Д. Фелицын. В своих примечаниях на эту записку (которую Е. Д. Фелицын впервые опубликовал) он по этому поводу пишет: «Исчисления Новицкого не верны и должны признаваться слишком преувеличенными» (Е. Фелицын, Черкесы — адыге и западнокавказские горцы, «Кубанские областные ведомости», 1884, № 40, прим. 67).

⁶² М. Аутлев, Е. Зевакин, А. Хоретлев, Адыги. Историко-этнографический очерк, Майкоп, 1957, стр. 15. Следует подчеркнуть, что здесь имеется в виду численность лишь адыгов, населявших Северо-Западный Кавказ; если же сюда прибавить кабардинцев, то общая численность адыгов в первой половине XIX в. тогда должна будет, по мнению указанных авторов, превысить 1 млн. чел.

⁶³ М. В. Покровский, Адыгейские племена в конце XVIII — первой половине XIX века, «Кавказский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XLVI, М., 1958, стр. 93.

численности жителей в адыгском дворе согласуется с данными других источников, которые могут быть признаны достоверными.

Прежде всего для первой половины XIX в. в нашем распоряжении имеются несколько поименных списков членов адыгских семей, живущих отдельными дворами⁶⁴. Списки эти, хотя и сделаны русскими властями по различным случайным поводам, являются драгоценным источником для определения численности жителей в адыгском дворе, так как отчасти они восполняют собой отсутствующий систематический статистический материал. Из числа таких списков особый интерес представляет «Именной список переселившихся на Каракубанский остров джанеевского (т. е. жанеевского. — В. Г.) племени князьям, дворянам и простым черкесам», составленный в апреле 1836 г. и подписанный войсковым старшиной Могукаровым⁶⁵, который был главным информатором Новицкого в 1829 г. Список этот, помимо своей безусловной достоверности замечателен тем, что он включает всех жителей одного аула. Согласно списку в данном ауле проживало 42 семейства, включавшие в себя 211 душ обоего пола, что составляет в среднем 5 человек на семейство. Максимальная численность отдельного семейства в этом ауле 12 человек (таких семейств было всего два).

В мае 1836 г. был составлен список двух семейств шапсугов, «выбежавших из Закубани»; в одном из этих семейств оказалось 6 человек (отец, мать, два сына и две дочери), в другом 4 человека (отец, мать, сын и дочь)⁶⁶. В августе 1846 г. был составлен именной список семейств крепостных крестьян, принадлежавших первостепенному кабардинскому узденю Магомету Куденетову. Всего в шести семействах было 42 души обоего пола, т. е. в среднем на семейство приходилось 7 чел. Максимальная численность семейства в данном случае составляла 13 чел. (одно семейство)⁶⁷. В сентябре 1868 г. был составлен именной список крепостных крестьян, оставшихся после смерти кабардинского узденя Али Чижокова (проживавших за Кубанью). В 17 семействах оказалось 117 душ обоего пола, т. е. в среднем на семейство приходилось от 6 до 7 чел. (точнее 6,8). Максимальная численность семейств составляла на этот раз 10 человек (одно семейство)⁶⁸.

В 40-х и 50-х гг. XIX в. русским командованием на Кавказе составлялись подворные списки «покорных горцев». Они были использованы К. Ф. Сталем в «Этнографическом очерке черкесского народа» при определении численности закубанских кабардинцев, бесленеевцев и мамхеговцев. На основании этих данных в 664 дворах закубанских кабардинцев числилось 4707 душ обоего пола, т. е. в среднем на двор приходилось 7 чел.; бесленеевцев в 610 дворах считалось 5115 душ обоего пола, т. е. в среднем немногим более 8 человек на двор (8,3); мамхеговцев в 550 дворах было 3420 душ обоего пола, т. е. в среднем немногим более 6 человек на двор (6,2)⁶⁹.

Наконец в первом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах», изданном в 1868 г., были опубликованы статистические сведения,

⁶⁴ Как это было принято в источниках первой половины XIX в., мы считаем, что в каждом дворе жило одно семейство. Поэтому слова «двор» и «семейство» употребляются здесь и далее как синонимы.

⁶⁵ Государственный архив Краснодарского края, ф. 261, д. 421, лл. 78—80 и 99—91.

⁶⁶ Там же, л. 82 об.

⁶⁷ Б. А. [В. К.] Гарданов, Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в., Нальчик, 1956, стр. 199—200.

⁶⁸ Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР, ф. 12, оп. 4, д. 6, лл. 83 об.—88 об.

⁶⁹ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 81, 83, 84.

добытые, как указывает редакция «Сборника», «камеральными описаниями последних годов». Оговариваясь, что и эти сведения не являются еще абсолютно точными, редакция «Сборника» однако справедливо отмечает, что «если сравнить статистические сведения, имеющиеся в настоящее время о горцах, с теми отрывочными и скудными известиями, которые имелись о них назад тому лет пять-шесть», то следует признать значительный прогресс⁷⁰. Таким образом можно считать, что приводимые в данном «Сборнике» статистические сведения являются лучшими для выяснения интересующего нас вопроса. Согласно этим сведениям в четырех горских округах Кубанской области, где проживало преимущественно адыгское население, было в 10 969 дворах 63 843 человека, что составляло в среднем на двор 5,8 человек; а в Кабардинском округе Терской области в 7081 дворе было 44 069 человек, что составляло в среднем на двор 6,2 человека⁷¹.

Как мы видим, на основании вышеприведенных статистических сведений, средняя численность жителей адыгского двора определяется в пределах от 5 до 8 человек. Лишь в качестве исключения мы встречаем у адыгов дворы, насчитывающие менее 5 и более 8 человек. Это еще лишний раз подтверждает правильность подсчетов тех авторов, которые исходят именно из такой средней численности жителей в адыгском дворе и получают в итоге цифру в 300—500 тыс. жителей Черкесии (включая сюда и население Большой и Малой Кабарды).

Полагая, что общая численность адыгов в первой половине XIX в. не могла быть менее 300 тыс. и не намного могла превышать 500 тыс., мы приводим ниже сопоставительную таблицу численности отдельных адыгских племен и народностей на основании данных тех авторов, которые не выходят за пределы указанного минимума и максимума.

Из таблицы видно, что у ряда авторов имеет место совпадение в определении численности отдельных адыгских племен и народностей. Но даже в тех случаях, когда цифры эти значительно расходятся, численные соотношения между отдельными этническими подразделениями адыгов представляются почти всеми авторами в общем одинаковыми. На основании приведенных данных можно также сделать вывод, насколько далеко зашел у адыгов процесс консолидации племен в народности. Характерно, что большинство авторов не выделяет не только такие мелкие этнические группы, как шегаки, адемиевцы, жанеевцы, но и мамхеговцев и егерухаевцев, а некоторые даже хатукаевцев и натухайцев, причисляя их к тем более крупным этническим подразделениям, с которыми они в это время объединялись или сливались.

Обращает на себя внимание, что согласно сведениям, включенным в нашу таблицу, самой многочисленной группой адыгов были шапсуги с родственными им натухайцами и абадзехи. Эта группа составляла по данным Хан-Гирея 71% всего адыгского населения⁷², по данным Сталю — 74,9%, по данным Коха — 80%. Если же взять только адыгское население Северо-Западного Кавказа (т. е. Закубанья, без жителей Большой и Малой Кабарды), то шапсуги, натухайцы и абадзехи состав-

⁷⁰ «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1, Тифлис, 1868, отдел VIII, стр. 1—2.

⁷¹ Там же, стр. 5—6. В наши подсчеты включены приведенные в «Сборнике» данные о числе дворов и душ мужского и женского пола в Псекупском, Лабинском, Урупском и Зеленчукском округах Кубанской области и Баксанском, Черекском и Малокабардинском участках Кабардинского округа Терской области.

⁷² С учетом поправки численности кабардинцев на основе данных С. М. Броневского у Хан-Гирея на долю шапсугов, натухайцев и абадзехов приходится 60% всего адыгского населения.

Названия племен и народностей	Бларамберг 1834 г.	Данные 1835 г. ¹	Хан-Гирей 1836 г. ²	Торнау 1830-е гг.	Сталь 1840—50 гг.	Кох 1836—38 гг.
1. Натухайцы	60 000 ³	60 000	49 080 ⁴	— ⁵	20 000	50 000
2. Шапсуги	200 000	200 000	77 400	300 000	160 000	210 000
3. Абадзехи	160 000	160 000	62 100	160 000	50 000 ⁶	200 000
4. Бжедуги	9600 ⁷	9000	13 440 ⁸	6000	4000	20 000
5. Хатукаевцы	8000	— ⁹	3600	5000	6521	3000
6. Темиргоевцы	11 800 ¹⁰	15 000	6720	9000	8168	11 500 ¹¹
7. Мамхеговцы	5000	— ¹²	— ¹²	— ¹²	3420	—
8. Егерухаевцы	2500	— ¹²	— ¹²	— ¹³	— ¹⁴	5000
9. Махошевцы	5000	5000	2400	2500	5000	8000
10. Бесленевцы	25 000	25 000	8160	8000	5115	25 000
11. Кабардинцы	15 000 ¹⁵	34 000 ¹⁶	42 240 ¹⁷	5000 ¹⁵	45 254 ¹⁸	43 000 ¹⁹
Итого всех адыгов	501 900	508 000	265 140	495 500	307 478	575 500

¹ Впервые опубликованы в 1842 г. в «Русском вестнике» (т. 6). Приведены у Н. Ф. Дубровина (Указ. раб., т. I, кн. I, стр. 87).

² В приводимых ниже цифрах везде на двор принято в среднем 6 чел.

³ Сюда включены и 5 тыс. шагаков, показанных у Бларамберга отдельно.

⁴ Сюда включены 480 шагаков и «вепсников», показанных у Хан-Гирея отдельно.

⁵ Торнау натухайцев включает в число шапсугов.

⁶ Численность абадзехов К. Ф. Сталь определяет: «не свыше 50 тыс. душ и не менее 40 тыс. душ обоего пола» (Указ. раб., стр. 86).

⁷ Сюда включены 600 жанеевцев, показанных у Бларамберга отдельно.

⁸ Сюда включены 240 жанеевцев, показанных у Хан-Гирея отдельно.

⁹ Показаны вместе с бжедугами.

¹⁰ Сюда включены 1800 адемиевцев, показанных у Бларамберга отдельно.

¹¹ Сюда включены 1500 адемиевцев, показанных у Коха отдельно.

¹² Отдельно не обозначены, по-видимому включены в число темиргоевцев.

¹³ Численность егерухаевцев Торнау обозначает вместе с темиргоевцами.

¹⁴ Численность егерухаевцев Сталь обозначает вместе с темиргоевцами.

¹⁵ Здесь показаны только кабардинцы, жившие за Кубанью («беглые»).

¹⁶ В том числе 4 тыс. «беглых».

¹⁷ Численность кабардинцев определена нами, исходя из указания Хан-Гирея, что в Кабарде следует считать 4560 дворов (без учета данных Броневского). К этому числу прибавлено 2480 дворов кабардинцев, переселившихся за Кубань. Таким образом, всего кабардинцев по данным Хан-Гирея насчитывалось в 1836 г. 7040 дворов или 42 240 чел. (считая в каждом дворе по 6 чел.)

¹⁸ В том числе 4707 «беглых».

¹⁹ В том числе 15 тыс. «беглых».

ляли, по данным Бларамберга, 82,1% ⁷³, а по данным Торнау — 92,2%. Таким образом можно считать, что шапсуги, натухайцы и абадзехи составляли в первой половине XIX в. примерно две трети численности всех адыгов.

Такое численное преобладание шапсугов, натухайцев и абадзехов объясняется прежде всего тем, что в их состав в первой половине XIX в. вошла значительная часть населения других адыгских племен и народностей. Произошло это по причинам социального характера. К началу XIX в. власть феодалов у шапсугов, натухайцев и абадзехов в результате народных движений была сильно ограничена, что стало привлекать к ним крестьянские массы из остальных адыгских подразделений, где князья и дворяне сохранили в полном объеме свои права и привилегии. Источники первой половины XIX в. единодушно отмечают факт непрерывного и все более увеличивающегося переселения к шапсугам, натухайцам и абадзехам, которые в тогдашней литературе причислялись к «демократическим племенам» Черкесии, бежавших от гнета своих феодалов бжедугам, темиргоевцам, бесленевцам, кабардинцам и других адыгов, принадлежавших к «аристократическим племенам» Черкесии.

Л. Я. Люлье в статье «О натухайцах, шапсугах и абадзехах» по этому поводу пишет: «Описываемые мною народы давали у себя убежище

⁷³ По другому варианту подсчетов Бларамберга, из 300 тыс. адыгов включая и кабардинцев, на долю шапсугов, натухайцев и абадзехов приходится 196 тыс., т. е. 65,3%.

всем недовольным из соседних племен; от этого народонаселение их быстро увеличилось. Приведу некоторые примеры. Род Гоаго, происхождения хатюкайского, пришел к шапсугам искать покровительства против угнетавших его князей и вошел в состав основных отраслей шапсугского народа... Во время нахождения моего в горах я был свидетелем многих подобных переходов... Абадзехи, подобно натухажцам и шапсугам, увеличились в народонаселении тоже пришельцами.... В 1827 году,... был большой съезд около Анапы князей, дворян и старшин всех черкесских народов, начиная от Кабарды. Целью такого съезда, как я убедился, находясь в лагере горцев под Анапою, было ходатайство о возвращении на прежние места жительства беглых людей, водворившихся между натухажцами и шапсугами...»⁷⁴ Съезд этот, как отмечает Люлье, окончился для феодалов неудачей, шапсуги и натухайцы отказались вернуть поселившихся среди них беглецов, что еще более усилило среди крестьянского населения «аристократических племен» тягу к переселению в земли «демократических племен».

Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» указывает, что переселение к абадзехам, шапсугам и натухажцам крестьян из «княжеских владений» было важнейшей причиной ослабления этих владений и «усиления племен, не зависящих от власти князей». Предоставление абадзехами, шапсугами и натухажцами убежища и покровительства угнетенному населению княжеских владений, привело, по словам Хан-Гирея, к тому, что «подвластные князьям и дворянам люди соседних владений, крепостные или вольные земледельцы, при малейшей обиде или угрозе со стороны владельцев, даже и без того, начали переходить к ним (т. е. к абадзехам, шапсугам и натухажцам. — В.Г.), где были принимаемы и водворяемы, что, постепенно умножая силы и численность тех, ослабляло и уменьшало других»⁷⁵.

Таким образом, в первой половине XIX в. среди адыгов происходил весьма своеобразный процесс передвижения и перегруппировки населения, обусловленный ходом классовой борьбы, крайне обострившейся в это время у всех адыгских народов. Увеличение численности так называемых «демократических племен» происходило за счет уменьшения численности «аристократических племен». «Княжеские владения по причине непрерывных волнений постепенно уменьшаются», констатирует Хан-Гирей в 1836 г. Кроме классовой борьбы, массовый уход крестьян вызывался также непрекращавшимися в княжеских владениях феодальными междоусобицами, которые, по словам Хан-Гирея, часто поглощали целые деревни⁷⁶. Однако значительного уменьшения общей численности адыгского населения не происходило, «ибо семейства, оставляющие по обстоятельствам свои племена, переселяются к другим, где находят защиту, почему с уменьшением народонаселения в одном племени, оно увеличивается в другом»⁷⁷.

Рост населения «демократических племен» естественно привел к тому, что эти «племена» стали расширять свою территорию, тесня ослабевшие «княжеские владения». Обрисованные нами выше границы шапсугских, натухайских и абадзехских земель в первой половине XIX в. включали в значительной мере территории, принадлежавшие прежде «аристократическим племенам» — жанеевцам, бжедугам, темиргоевцам и др.

⁷⁴ «ЗКОРГО», кн. IV, стр. 229—230.

⁷⁵ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. 1, л. 232 об.

⁷⁶ Там же, л. 47 об.

⁷⁷ Там же, л. 48.

Л. Я. Люлье, говоря о натухайцах, шапсугах и абадзехах, подчеркивает, что после того как их численность стала быстро возрастать в результате приема беглецов, «оказался недостаток в земле и это заставило племена искать простора. Натухажцы начали постепенно занимать прибрежные морю долины, а шапсуги — переходить на северный склон Кавказских гор, и при этом заняли первоначально верховья долин: абадзехи, выходя из горных мест, стали водворяться постепенно на бесплодных или малонаселенных землях, там, где живут и в настоящее время»⁷⁸. Люлье ошибается, считая, что «при занятии земель народы эти не находили препятствия, потому что прочие племена, состоявшие под феодальным управлением, занимали отчасти места — как об этом сохранилась память в народе — по правую сторону Кубани»⁷⁹. В действительности же было наоборот: расширение территории «демократических племен» происходило путем упорной борьбы с «княжескими владениями», а само переселение, например бжедугов или жанеевцев на правый берег Кубани было вызвано сильным нажимом шапсугов и абадзехов, причем феодалы стремились увести своих подвластных на правый берег Кубани, чтобы помешать их бегству. Вот как Н. Л. Каменев, на основании народных преданий, собранных в 60-х годах XIX в., рисует взаимоотношение абадзехов с «аристократическими племенами» и в частности с бжедугами, которых абадзехи вытеснили из бассейна р. Псекупса. «По примеру прочих адыгских племен, очутившихся соседями вооруженных земледельцев⁸⁰, именовавшихся абадзехами, и бжедуги не смели мечтать о прочной оседлости. Управляемые на феодальных основаниях, они также повиновались князьям и воркам, личная выгода которых заключалась в том только, чтобы поддерживать между ними средневековый внутренний порядок. Вот почему, по-видимому, цивилизованные адыгские племена низошли на степень кочующих племен. Со времени появления абадзехов адыге начали строить легкие турлучные сакли, селиться большими аулами, где власти удобно было присматривать за простым народом, который, завидуя независимости абадзехов, сам к ней стремился. Словом, адыгские племена стали на походную, вооруженную ногу и двигались за князьями от гор к равнинам Лабы и Кубани. Абадзехи же, заняв землю, ставили сруб, селились хуторами...; жадно приобретали у адыг места, укрепленные природой; не увлекались воинской славой, практикуясь разбоем и грабежом (как это делали адыгские князья и дворяне.— В.Г.), а обрабатываемую землю защищали упорно, считая ее основным капиталом деятельности. Аристократия адыгская не в силах была вытолкать абадзехов из пересеченной местности за недостатком единодушия; постоянные же набеги на разбросанные хутора, доставляя добычу, являли в то же время самолюбие князей и дворян, которым приходилось скрещивать оружие с мужиками»⁸¹.

Потеряв надежду собственными силами приостановить бегство крестьян к «демократическим племенам», адыгские князья в первой половине XIX в. часто обращаются за помощью к царским властям и даже идут на то, что переселяют свои аулы на правый берег Кубани, в пределы Черномории, чтобы таким образом сохранить своих поддан-

⁷⁸ Л. Люлье, О натухайцах, шапсугах и абадзехах, стр. 230.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Выше Н. Л. Каменев указывает, что ядро абадзехов составили «мирные хлебопашцы», которые «для поддержания прав своих взяли за оружие» и восстали против хамышевских (бжедугских) князей, являвшихся владельцами земель в верховьях бассейна Псекупса, где первоначально поселились абадзехи.

⁸¹ Н. Каменев, Бассейн Псекупса, «Кубанские войсковые ведомости», 1867, № 5, стр. 20

ных. Вот один яркий пример подобного рода. В 1835 г. жанеевский князь Шеретлук Бачкан обратился к атаману Черноморского казачьего войска с просьбой разрешить ему переселить свой аул, численностью около 60 дворов, из Закубанья в Черноморию на Каракубанский остров. Разрешение было получено, но князь Шеретлук не смог в 1835 г. переселиться потому (как он объяснил генералу Заводовскому, бывшему в то время наказным атаманом Черноморского казачьего войска), что «для понуждения подвластных его к таковому переселению нужно командировать к аулу его часть наших войск»⁸². По просьбе князя Шеретлука в марте 1836 г. в его аул были направлены две роты Кабардинского егерского полка, которые, однако, не смогли осуществить переселение, так как жители аула решительно воспротивились этому, стали даже вооружаться, а на помощь им «вероятно по извещению сих мошенников, закубанские народы с разных сторон начали поспешно собираться...»⁸³. Только в апреле 1836 г., после послышки шести рот Кабардинского полка, удалось переселить этот аул на место, избранное князем Шеретлуком⁸⁴.

Демократические порядки, существовавшие у шапсугов, нутхайцев и абадзехов привлекали к ним выходцев и из среды неадыгского населения Северо-Западного Кавказа, в частности из абазинских и ногайских феодальных владений.

Все это привело к тому, что этнический состав шапсугов, нутхайцев и абадзехов отличался значительной пестротой. Особенно это было характерно для абадзехов, которые с самого начала, по словам Н. Л. Каменева, формировались из «горского казачества», т. е. из беглых крестьян различных адыгских, а также и абазинских племен. Как это было, примерно, с донским казачеством, у абадзехов со временем образовалась из «старых», «домовитых», «вольных хлебопашцев» своя знать феодального типа. Абадзехские старшины стали, подобно донским казачьим верхам, закабалить и закрепощать вновь приходивших беглецов. Этот процесс достаточно четко обозначился уже к началу XIX в., о чем свидетельствует Клапрот, дающий следующую характеристику абадзехов: «Они жили прежде на самых высоких снеговых горах Западного Кавказа, но так как численность их все время возрастала, то они спустились до Черных гор и здесь еще более усилились, захватывая повсюду людей, которые стали потом крестьянами абадзехов. Так же много чужеземных беглецов пришло к ним и поселилось среди них. В результате произошло такое смешение, что в настоящее время одни только знатные — настоящие абадзехи»⁸⁵.

Появление у абадзехов своих крупных феодалов — уорков привело к тому, что в первой половине XIX в. параллельно с главным потоком беглецов, направлявшихся в абадзехскую землю, стал происходить известный отлив абадзехских крестьян к шапсугам и нутхайцам, где антифеодальное движение добилось больших успехов, чем у абадзехов. Люлье, со свойственной ему наблюдательностью, отмечает это новое для «демократической» Абадзехии явление; «Род Тлебзу, подвластный абадзехскому дворянину (вуорк) Едиге Хатооко, перешел... в Шапсугию. О численности этого рода можно судить по его имуществу, которое было перевезено на 300 арбах... В 1826 г. несколько семейств, подвластных абадзехскому дворянину Джанкята Мамехога, были при-

⁸² Государственный архив Краснодарского края, ф. 261, д. 421, л. 18 об.

⁸³ Там же, лл. 31—31 об.

⁸⁴ Там же, лл. 47, 55 и 58.

⁸⁵ I. Klaproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, т. 1, стр. 464.

числены к натухажской фамилии Тлечясь. Дворянин этот пользовался уважением и известностью, но, несмотря на это, старания его о возвращении бежавших от него подвластных не увенчались успехом»⁸⁶.

Итак, в первой половине XIX в. у адыгов происходило массовое смешение и слияние различных племен, что было связано не только с процессом формирования народностей на развалинах старой родоплеменной структуры, но и с обострившейся классовой борьбой внутри отдельных феодальных владений, приводившей в частности, к переходу крестьян из группы «аристократических племен» в группу «демократических племен». Это бегство адыгских крестьян от своих князей и феодалов приняло такой масштаб, что прежде незначительные племена шапсугов, натухайцев и абадзехов превратились в самые крупные этнические подразделения адыгов, вобравшие в себя значительную часть населения «аристократических племен». Параллельно с ростом населения «демократических племен» происходило и увеличение занимаемых ими территорий. И то, и другое происходило за счет «аристократических племен», что весьма ослабило их.

SUMMARY

Examined in the article are the data contained in different sources on the population size and the territory occupied by the Adyghe peoples — one of the major groups of Caucasian highlanders, whom Russian and Western authors of the first half of the 19th century called «Circassians».

The author stresses that the inaccurate use of this name which was often applied not only to the Adyghe peoples but to all highlanders of the North Caucasus makes it difficult to ascertain the ethnic boundaries and the size of individual Adyghe tribes and peoples in the period under review. Giving a critical analysis of the sources, including unpublished materials from archives, the author arrives at the conclusion that although the Adyghe were the biggest ethnic group in the North Caucasus in the first half of the 19th century and exerted a strong, comprehensive influence on the neighbouring peoples, they did not number a million (as estimated by many authors who wrote about the Circassians); their number should be placed at under 500,000. The biggest group among the Adyghe peoples included the Shapsugs and the kindred Natukhais, and also the Abadzekhs. This group to which Russian sources of the first half of the 19th century refer as the «democratic tribes» of the Circassians (Adyghe), grew in size owing to the influx of peasants from other Adyghe tribes where feudal oppression was more onerous than among the «democratic tribes».

⁸⁶ Л. Люлье, О натухажцах, шапсугах и абадзехах, стр. 229.